
ДЕВУШКА С РОЗОВЫМИ ВОЛОСАМИ · КНИГА 1
Розовые волосы, старые ошибки
ЭДДИ СЛОАН

Девушка с розовыми волосами

Эдди Слоан

Розовые волосы, старые ошибки

«Автор»
2026

Слоан Э.

Розовые волосы, старые ошибки / Э. Слоан — «Автор», 2026 — (Девушка с розовыми волосами)

В тридцать три Пайпер поняла: если мужчина за завтраком спрашивает только, оплачен ли интернет, с отношениями явно что-то не так.Она расстаётся с Николаем, красит волосы в ярко-розовый и улетает в город у океана. Теперь у неё новая комната, новая работа и твёрдое решение больше не подстраивать свою жизнь под чужие ожидания.Но одно дело сменить адрес, и совсем другое — привычки. Приложение для знакомств быстро знакомит Пайпер с мужчинами, которые почти подходят. А новые подруги помогают увидеть то, что она упорно не замечает сама.Пайпер думала, что начинает жизнь с чистого листа. Оказывается, старые ошибки тоже умеют путешествовать.«Розовые волосы, старые ошибки» — ироничная романтическая комедия о переезде, свиданиях и попытке наконец выбрать не очередного «почти того», а себя.Первая книга серии «Девушка с розовыми волосами».

© Слоан Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Розовый не просит разрешения 5
Глава 2. Свобода тоже звонит маме 12
Глава 3. Мужчина, с которым исчезли два часа 23
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Эдди Слоан
Розовые волосы, старые ошибки

Глава 1. Розовый не просит разрешения

В тот четверг Пайпер пришла в салон не за новым цветом.

Она пришла проверить, осталось ли в ней хоть одно решение, которое не нужно ни с кем согласовывать.

Утро началось ужасно обычно.

Кофе убежал на плиту.

Пайпер услышала шипение раньше, чем почувствовала запах, и бросилась к плите с той скоростью, с которой взрослые женщины спасают не кофе, а остатки контроля над жизнью.

Колготки порвались у большого пальца.

Николай стоял у холодильника в рубашке, которую она вчера сняла с сушилки, и смотрел не на нее, а на пустую полку.

«Ты интернет оплатила?»

Пайпер замерла с мокрой тряпкой в руке.

Не «доброе утро».

Не поцелуй в висок.

Не «как спала».

Интернет.

Она посмотрела на него чуть дольше, чем требовал вопрос.

«Сегодня оплачу».

«Только не забудь», сказал он и закрыл холодильник.

Сказал не грубо.

В этом и была вся проблема.

Обычно.

Спокойно.

Как говорят о счетах, хлебе, мусорных пакетах и людях, которых давно перестали видеть целиком.

Пайпер вытерла плиту, потом пятно на рукаве, потом еще раз то же самое место, хотя оно уже было чистым.

Через два часа она сидела в кресле салона, в черной накидке, с которой на колени соскальзывали чужие состриженные волосы. Воздух пах краской, шампунем, горячим феном и разговорами, в которых никто не говорил правду до конца.

Мастер раскрыла перед ней палитру.

Ряд за рядом: медный, карамельный, пепельный, каштановый.

Цвета, которые умели вести себя прилично.

Цвета для женщин, которые знают, когда улыбнуться, когда промолчать и как сделать так, чтобы перемены никого не напугали.

И потом он.

Розовый.

Яркий.

Холодный.

Почти неоновый.

Цвет, который входил в комнату первым и не извинялся за обувь.

Мастер остановила на нем палец и посмотрела на Пайпер через зеркало.

«Вы точно уверены?»

Пайпер посмотрела на себя.

На аккуратные каштановые волосы, которые носила много лет.

На разумную блузку.

На лицо человека, который умел вежливо отвечать на рабочие письма после шести вечера, хотя вообще-то это уже не работа, а мелкое офисное вторжение с вложениями.

На выражение, с которым она слишком долго называла «нормально» то, что на самом деле было «я пока не умерла от скуки».

Она вдруг подумала: всю взрослую жизнь она выбирала не то, что хотела.

А то, что проще объяснить.

«Думаю, если я не сделаю это сейчас, я стану одной из тех женщин, которые всю жизнь говорят “может быть, в следующем месяце”».

Мастер моргнула.

Один раз.

Потом кивнула так спокойно, будто женщины с экзистенциальными кризисами и плохим выбором оттенка приходили к ней каждый четверг после обеда.

«Тогда делаем ярко-розовый?»

Пайпер впервые за весь день улыбнулась.

«Разумеется».

Слово прозвучало слишком уверенно для человека, который утром не смог спокойно ответить на вопрос про интернет.

Но Пайпер решила не мешать себе.

Через несколько часов фен шумел у ее виска, мастер снимала с плеч полотенце, а по светлой накидке скользнула первая настоящая розовая прядь.

Пайпер стало смешно.

Не потому что цвет был смешной.

Потому что он был честный.

Яркий.

Невежливый.

Совершенно не подходящий к женщине, которая годами выбирала «практично», «нейтрально» и «чтобы не привлекать лишнего внимания».

Мастер поправила прядь у ее лица.

«Вам идет».

Пайпер смотрела на отражение и думала не о волосах.

Она думала о том, как странно устроена жизнь: иногда достаточно одного цвета, чтобы заметить, сколько лет ты спрашивала разрешения.

У мужчины.

У начальника.

У мамы.

У собственного страха, который почему-то всегда говорил голосом разумной женщины.

Зеркало молчало.

И впервые за долгое время в этом молчании не было отказа.

«Да», сказала Пайпер тихо. «Кажется, идет».

Через две недели она сидела в аэропорту с одним чемоданом, одним рюкзаком, билетом на юг, к океану, и без обратного билета.

Без обратного билета звучало дерзко.

На деле это означало, что она трижды обновила страницу покупки, вспотела, закрыла ноутбук, открыла снова и прошептала: «Ну ладно».

Героини в кино в такие моменты смотрят вдаль.

Пайпер в такие моменты проверяла, точно ли паспорт лежит во внутреннем кармане.

Накануне вечером мама позвонила, когда Пайпер стояла посреди почти пустой кухни.

Квартира уже звучала иначе.

Там, где раньше стоял стол, остался светлый прямоугольник на полу. На полке, где жили кружки, лежала только пыльная полоска. У окна пустел угол, в котором еще вчера зеленело растение.

Растение она отдала соседке.

Почему-то оно выглядело куда более укорененным, чем она сама.

«Ты даже не знаешь, на сколько едешь».

«В этом и смысл».

«Это не смысл. Так говорят студенты перед тем, как испортить себе жизнь».

Пайпер посмотрела на расторгнутый договор аренды, лежавший на кухонной столешнице. Рядом валялась ручка, которая перестала писать ровно на подписи. Очень в стиле ее жизни.

«Мам, мне тридцать три».

«И что?»

«И если я останусь здесь еще немного, я исчезну. Просто буду формально ходить на работу, оплачивать счета и покупать продукты».

В трубке стало тихо.

Не обиженно.

По-матерински тяжело.

Так молчат женщины, которые когда-то тоже хотели другой жизни, но выбрали выносливость и назвали это характером.

Потом мама вздохнула.

«Это из-за него?»

Пайпер посмотрела в окно.

Внизу серел парковочный двор. Ряд одинаковых машин. Мужчина в офисных туфлях нес пакет с едой и выглядел так, словно заранее согласился со всем, что случится завтра.

«Нет», сказала она. «Это из-за меня».

Это была правда.

Почти.

Николай не разбил ей сердце красиво.

Не было громкой ссоры.

Не было предательства, на которое можно показать пальцем и сказать: вот здесь все закончилось.

Не было двери, хлопнувшей так, чтобы соседи подняли головы.

Не было одной сцены, после которой жизнь делится на до и после.

У них было хуже.

Тише.

Двенадцать лет «почти».

Сначала это называлось стабильностью.

Две зубные щетки в стакане.

Его ключи на тумбочке.

Ее крем для рук возле раковины.

Сообщения вроде «купишь хлеб?» и «я задержусь».

Вечера, когда они сидели рядом, каждый в своем телефоне, и это почему-то считалось близостью.

Потом даже стабильность стала уставшей.

Они перестали спрашивать друг друга о мечтах, потому что ответы могли потребовать действий.

Перестали спорить о будущем, потому что спорить о том, чего нет, довольно унизительно.

Перестали замечать, что никуда не движутся.

Они не строили жизнь.

Они просто очень аккуратно не разрушали старую.

В какой-то момент Пайпер поняла, что больше не представляет, как выходит за него замуж.

И не представляет, как уходит.

И вообще не представляет, как рядом с ним становится кем-то еще.

Они превратились в двух людей, живущих внутри привычки, будто привычка и была отношениями.

Когда она наконец сказала, что ей, кажется, нужно что-то другое, Николай посмотрел на нее так, словно она слегка испортила вечер.

«Что именно?»

Вот с этим и была беда.

Она не могла объяснить это взрослым языком.

Не могла так, чтобы не прозвучать глупо.

Не могла так, чтобы не показаться неблагодарной.

Не могла без того, чтобы признаться: после всех этих лет она хочет не улучшенную версию прежней жизни.

Она хочет жизнь, которая хотя бы немного похожа на ее собственную.

Поэтому Пайпер сказала единственное, что получилось сказать чисто.

«Я хочу снова слышать свои мысли».

Николай коротко усмехнулся.

Не зло.

Автоматически.

Так люди иногда реагируют на чужую правду, когда она мешает им удобно сидеть на диване.

«Пайпер, всем иногда кажется, что они застряли».

Может быть.

Наверное, всем.

Но не все просыпаются каждое утро с ощущением, что их настоящая жизнь стоит за дверью и ждет, когда они наконец выйдут из комнаты.

Теперь Пайпер сидела у выхода 14, и ее ярко-розовые волосы падали на плечо джинсовой куртки.

В руке остывал бумажный стаканчик с кофе.

Крышка была плохо закрыта, и маленькая капля уже ползла по боку стакана. Пайпер смотрела на нее с непропорциональным вниманием человека, которому сейчас проще контролировать кофе, чем судьбу.

У ног стоял чемодан.

Одно колесико у него упорно поворачивалось не туда, будто даже багаж считал, что вся эта поездка плохо продумана.

На коленях лежал рюкзак, куда она положила документы, зарядку, две книги, запасную футболку и странную уверенность, что сделала что-то достаточно безрассудное, чтобы спастись.

Вокруг люди листали телефоны, зевали, спорили вполголоса о посадочных группах, вытаскивали перекусы для детей, проверяли рабочие сообщения и снова застегивали сумки, которые откроют через шесть минут.

Аэропорт жил своей обычной жизнью.

Табло мигали.

Чемоданы катились.

Голоса из динамиков растворялись под потолком.

Чьи-то дети смеялись.

Чьи-то взрослые выглядели так, будто им уже давно не смешно.

Пайпер смотрела на все это и впервые за очень долгое время чувствовала себя ничьей.

Не исцеленной.

Не обновленной.

Не женщиной, которая драматично переродилась под светом аэропортовых ламп.

Просто свободной от чужого расписания.

Это было не счастье.

Пока нет.

Скорее маленький щелчок в замке.

Телефон завибрировал.

Мама.

Пайпер посмотрела на экран, выдохнула и ответила.

«Ты уже садишься?»

«Пока нет».

Пауза.

«Твоя тетя говорит, что в таких местах у океана полно мужчин с татуировками и без нормальных планов на жизнь».

Пайпер улыбнулась в стаканчик.

«Звучит как рекламный буклет».

«Я серьезно».

«Я знаю».

Мама снова замолчала.

Пайпер успела представить ее на кухне: халат, чашка у раковины, телефон прижат к уху, взгляд в окно, где ничего особенного не происходит, но тревожиться туда почему-то удобнее.

Потом мама сказала тише:

«Ты можешь вернуться в любой момент».

Вот она.

Спасательная веревка.

Не осуждение.

Не совсем.

Любовь, переодетая в сомнение.

Пайпер подняла глаза на огромное окно. За стеклом стояли самолеты, белые и спокойные в бледном дневном свете, словно они знали, куда летят, и никогда не делали странных вещей в четверг после салона.

«Я знаю», сказала она. «Но я правда не хочу».

Снова тишина.

На этот раз короче.

«И чем именно ты собираешься там заниматься?»

Пайпер откинулась на спинку кресла.

Она могла сказать: сначала буду работать няней в одной семье, а потом посмотрю.

Могла сказать: сниму маленькую комнату, буду плавать, когда получится, и попробую не испугаться собственной жизни.

Могла сказать: буду дышать.

Слишком громко.

Слишком театрально.

Мама бы точно сказала: «Дышать можно и здесь, не покупая билет».

Пайпер посмотрела на посадочный талон.

Там было написано только ее имя.

Впервые за долгое время этого оказалось достаточно.

«Хочу понять, кто я, если больше не жду, что меня выберут».

Мама не ответила сразу.

Когда она наконец заговорила, голос у нее стал мягче.

«У тебя всегда была склонность к громким формулировкам».

Пайпер улыбнулась.

«А ты все равно позвонила».

«Я твоя мать. Я обязана представлять худший вариант».

«Тогда представь меня в легком платье у океана».

«Это звучит лучше, чем твой офис».

Да.

Это звучало значительно лучше.

Ее офис пах разогретым принтером, средством для чистки ковров и паникой, которую все называли профессионализмом.

Стеклянные переговорные.

Ряды одинаковых столов.

Торты на дни рождения, которые ели стоя пластиковыми вилками.

Женщины с усталыми лицами, говорящие «я просто уточню» так, будто от этого зависела судьба цивилизации.

Мужчины, которым аплодировали за уверенность, хотя иногда они просто говорили громче остальных.

Целые утра уходили на презентации, о которых никто не вспоминал уже после обеда.

Пайпер была в этом хороша.

Возможно, именно это было самым грустным.

Она умела быть полезной.

Умела быть удобной.

Умела заранее понимать, кому что нужно, и подавать это до того, как человек сам успеет сформулировать просьбу.

Но где-то между письмами, планерками, стиркой, ужинами на автомате и отношениями, которые никто не заканчивал только потому, что никто не начинал разговор первым, она забыла, как это: быть живой не для отчета.

Не для чужого спокойствия.

Не для того, чтобы не создавать проблем.

Просто живой.

В динамике объявили посадку.

Люди вокруг зашевелились.

Кто-то резко поднялся, будто самолет мог улететь без всех остальных.

Кто-то начал искать паспорт в сумке с таким выражением, словно паспорт мог сбежать.

Ребенок у соседнего ряда спросил, почему самолет не похож на птицу, и взрослый ответил что-то уставшее, не поднимая глаз от телефона.

Пайпер посмотрела на свой чемодан.

На рюкзак.

На розовую прядь, упавшую на рукав.

Все ее прежнее «потом» вдруг уместилось в один посадочный талон.

«Мам», сказала она. «Мне пора».

«Хорошо. Позвони, когда приземлишься».

«Позвоню».

«И, Пайпер?»

«Да?»

Мама помолчала секунду.

«Розовые волосы еще не делают тебя другой».

Пайпер встала, подхватила рюкзак и взяла чемодан за ручку.

Колесико снова дернулось в сторону.

Она поправила его ногой.

За стеклом самолет ждал у рукава.

Перед ней медленно двигалась очередь: чужие спины, чужие сумки, чужие жизни, каждая со своим пунктом назначения.

Пайпер улыбнулась.

«Нет», сказала она. «Но они уже делают меня видимой».

Мама что-то тихо выдохнула в трубку.

Пайпер не стала объяснять.

Она убрала телефон в карман и шагнула в очередь.

В стекле рядом с посадочным рукавом на секунду отразилась женщина с розовыми волосами, джинсовой курткой и лицом, которое еще боялось.

Но уже двигалось вперед.

Пайпер крепче взялась за ручку чемодана.

Мамин голос больше не звучал.

Но сомнение, которое он оставил, еще шло рядом.

Впереди открывался узкий светлый коридор к самолету.

Она еще боялась.

Но уже шла.

Глава 2. Свобода тоже звонит маме

Первое, что Пайпер узнала о новой жизни у океана: на фотографиях свобода выглядела убедительнее.

На фотографиях она была вся в мягком свете, светлых домах с верандами, велосипедах с корзинками, платьях из тонкой ткани и закатах, после которых казалось, что у вселенной внезапно появился стилист.

В реальности свобода была влажной.

Она липла к спине.

Забиралась под воротник.

Делала волосы еще ярче, лицо еще более растерянным, а чемодан, который дома казался вполне разумным, превращала в личного врага на колесиках.

Пайпер тащила его по неровному тротуару, стараясь выглядеть женщиной, которая точно знает, что делает.

Получалось средне.

Колесо чемодана застряло в трещине между плитками.

Пайпер дернула ручку.

Чемодан дернулся в ответ.

Мимо пронесся маленький мотороллер, едва не задев ее локоть, и водитель даже не оглянулся. Видимо, правила дорожного движения в этом городе существовали скорее как настроение, чем как закон.

«Отлично», пробормотала Пайпер. «Свобода с первого дня пытается меня сбить».

По белой стене рядом с дверью быстро пробежала маленькая ящерица и застыла возле фонаря.

Она посмотрела на Пайпер с таким видом, будто уже знала, что сейчас будет неловко.

Пайпер остановилась у двери своей съемной комнаты, поставила чемодан, достала телефон и открыла сообщение от хозяйки.

Очень просто! Введите код, слегка встряхните коробочку и потяните :)

Пайпер ненавидела улыбочки от людей, которых не было рядом физически.

Она ввела код.

Цифры щелкнули.

Крышка не открылась.

Она ввела код еще раз, медленнее.

Крышка снова не сдвинулась.

Пайпер слегка встряхнула коробочку. Внутри звякнули ключи, но наружу выходить явно не собирались.

Ящерица на стене не моргнула.

«Я вижу, ты наслаждаешься», сказала Пайпер.

Ящерица осталась на месте.

Пайпер ввела код в третий раз, потянула сильнее, потом еще сильнее, потом слишком сильно, так что чуть не ударила себя коробочкой в подбородок.

На улице было жарко.

Чемодан стоял криво.

Джинсовая куртка, такая уверенная в аэропорту, теперь была перекинута через руку и выглядела как вещь, которую она привезла из другой жизни чисто из вежливости.

Когда крышка наконец поддалась, Пайпер была вспотевшей, злой и настолько эмоциональной, что могла бы вернуться обратно просто из принципа.

Но вместо этого она достала ключ, открыла дверь и шагнула внутрь.

Комната оказалась такой отчаянно пляжной, будто ее оформлял человек, переживающий расставание с обычной мебелью.

Белое плетеное кресло.

Бирюзовые подушки.

Рамка с морской звездой.

Занавески с ракушками.

И маленькая деревянная табличка на стене:

ЛОВИ ДЕНЬ У МОРЯ.

Пайпер уронила чемодан и рассмеялась.

Потому что оставалось либо смеяться, либо признать, что она прилетела так далеко, чтобы поселиться внутри ароматической свечи.

Комната была маленькая, но чистая.

Кровать у окна.

Вентилятор под потолком, лениво гоняющий теплый воздух.

Узкий комод.

Зеркало в полный рост, прислоненное к стене так, словно оно тоже поселилось здесь временно.

За тонкими занавесками виднелся кусок яркого неба и верхушки пальм, которые двигались на ветру.

Пайпер стояла посреди комнаты и слушала тишину.

Николая здесь не было.

Офиса не было.

Никто не спрашивал, где масло, хотя оно пять лет стояло в одном и том же шкафу.

Только жара.

Вентилятор.

Свет.

И ее розовые волосы в зеркале, слишком яркие на фоне усталого лица.

Пайпер подошла к зеркалу и посмотрела на себя как следует.

В отражении была женщина, которая приняла смелое решение, но сама пока не успела к нему приехать.

«Ну хорошо», сказала она. «И что теперь?»

Отражение ответа не дало.

Зато вентилятор над головой сделал круг с таким видом, будто он тоже ничего не обещал.

Следующие два дня прошли странно.

Не быстро и не медленно.

Скорее мимо.

Пайпер отсыпалась после перелета, путалась во времени, пила воду прямо из бутылки и впервые за много лет просыпалась не от будильника на работу.

В первое утро она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, ожидая привычного звука.

Письма.

Будильника.

Чужого дыхания рядом.

Николай иногда храпел так тихо, что это почти можно было назвать уютом, а иногда случайно толкал ее локтем посреди ночи и утром ничего не помнил.

Здесь никто не храпел.

Никто не толкал ее локтем.

Никто не спрашивал, почему она еще лежит.

Только вентилятор вращался под потолком, за окном шуршали пальмы, и новая жизнь не требовала немедленно быть успешной.

Это было приятно.

И подозрительно.

Пайпер дважды выходила за кофе, один раз заблудилась в трех кварталах от дома, купила слишком много манго и слишком мало нормальной еды, а вечером второго дня поймала себя на том, что говорит вслух с холодильником.

«Не смотри на меня так», сказала она пустой полке. «Я только приехала».

Холодильник промолчал.

На третий день началась ее первая работа няней.

Дом стоял в тихом квартале недалеко от воды, светло-желтый, с широкой верандой и кустами у крыльца, которые явно видели больше семейных драм, чем собирались рассказывать.

В семье было две девочки.

Шесть и восемь лет.

Младшая, Эмма, была твердо уверена, что крылья феи подходят ко всем жизненным обстоятельствам, включая завтрак.

Старшая, Зои, смотрела на мир с тяжелой усталостью крошечного взрослого, который уже понял: вокруг слишком много некомпетентных людей.

Их мама, Ребекка, двигалась по кухне в дорогом спортивном костюме и с такой собранной тревогой, будто вся жизнь была расписана по минутам, но кто-то постоянно пытался добавить туда блестки.

«В общем», сказала она в первое утро, вручая Пайпер лист с цветным расписанием, «у них есть время для перекусов, время для отдыха, время для занятий. Они любят поделки, но без блесток, потому что блестки у нас однажды стали происшествием. У Зои есть сложности с некоторыми тканями и едой, а если Эмма говорит, что ей скучно, не верьте сразу. Обычно через тридцать секунд после этой фразы она изобретает кризис».

Пайпер посмотрела на расписание.

Там было время для перекусов.

Время для спокойных игр.

Время для «легких развивающих занятий», что звучало меньше как присмотр за детьми и больше как рабочая встреча, на которой всем очень хочется домой.

«Я справлюсь», сказала Пайпер.

Ребекка на полсекунды задержала взгляд на ее розовых волосах.

Потом кивнула, будто решила доверять лицу, а не цвету.

Девочки сидели за столом и ели клубнику.

Эмма ахнула, когда Пайпер вошла.

«У тебя розовые волосы».

«Совершенно верно».

«Специально?»

Пайпер села напротив нее.

«Этот вопрос все еще расследуется».

Эмма смотрела на нее еще секунду.

Потом широко улыбнулась.

«Ты мне нравишься».

Зои подняла глаза от тоста.

«Ей все нравятся первые десять минут».

Пайпер приложила ладонь к сердцу.

«Так быстро меня еще не списывали».

«Я не списываю», сказала Зои. «Я наблюдаю».

Пайпер улыбнулась.

Она всегда любила детей, которые говорили слегка пугающие вещи с полной искренностью. В этом было что-то честное. Практичное. Взрослые тратили слишком много времени на то, чтобы делать вид, будто не имеют в виду именно то, что имеют в виду.

К одиннадцати утра Пайпер сидела на полу затененной веранды, скрестив ноги, и помогала строить картонное королевство из коробок и моющихся фломастеров.

Эмма решила, что в королевстве обязательно должен быть детский сад для драконов.

Зои сочла идею нелепой, но все равно начала рисовать правила для жителей.

Пайпер выводила крошечные короны, вырезала бумажные окна и вдруг засмеялась.

Не офисным смехом.

Не тем усталым смехом в отношениях, который означал: «Я тебя услышала, пожалуйста, не продолжай».

Настоящим.

Легким.

Неловко громким.

Таким, который вырывается раньше, чем ты успеваешь решить, можно ли тебе быть счастливой на полу чужой веранды с фломастером в руке.

Она замерла.

Синий фломастер завис над картонной башней.

На секунду радость почему-то кольнула болью.

Не потому что что-то было не так.

А потому что что-то было правильно.

И Пайпер вдруг поняла, как давно не чувствовала этого.

За обедом Эмма пролила сок на стол и прошептала:

«Не говори маме».

«Это буквально невозможно не сказать твоей маме», сказала Пайпер, потянувшись за салфетками. «У нас на столе теперь видимое погодное явление».

Эмма наклонилась ближе.

«А если мы обе будем отрицать?»

Зои даже не подняла глаз от бутерброда.

«Вот поэтому ты не пережила бы серьезный допрос».

Пайпер рассмеялась так сильно, что отвернулась к раковине.

А потом Эмма, совершенно неожиданно, посмотрела на нее и спросила:

«Ты приехала сюда, потому что тебе стало грустно дома?»

Салфетка остановилась в руке Пайпер.

Ребекка была наверху на звонке. Зои с хирургическим разочарованием снимала корку с хлеба. За сеткой окна пальмовая ветка тихо касалась стены.

На одну секунду Пайпер забыла, как дышать.

Это был вопрос из тех, которые взрослые годами учатся обходить, а дети задают между бутербродом и клубничным пятном на футболке.

«Эмма», сказала Зои ровно. «Это личный вопрос».

«Я просто заметила», сказала Эмма.

Пайпер посмотрела на липкий след сока, растекающийся по столу.

Потом на открытое лицо Эммы.

«Да», сказала она наконец. «Наверное, немного».

Эмма подумала.

«А теперь не грустно?»

У Пайпер сжалось горло.

Очень странно, как боль иногда поднимается в теле раньше слов. Будто ребенок случайно выдвинул ящик, который Пайпер много лет удерживала бедром.

Она улыбнулась.

Кривовато.

«Теперь по-разному».

Эмма кивнула так, будто это было абсолютно понятно.

Зои подняла глаза.

«Такое было у мамы на растяжке».

Пайпер снова рассмеялась, потому что второй вариант был заплакать прямо над разлитым соком.

К концу недели она уже знала короткую дорогу к дому наизусть.

Куры, которые переходили улицу как маленькие важные чиновники.

Веранда с дорогими на вид колокольчиками.

Сосед, который каждое утро поливал растения в выцветшей майке и с выражением человека, выполняющего духовную практику.

Кафе на углу, где женщина с серебряными браслетами продавала холодный кофе такой крепости, что после него хотелось принять три решения и одно извинение.

Еще Пайпер узнала, что быть свободнее не значит автоматически стать спокойнее.

По ночам, когда дневная красота у воды сходила с кожи, сомнения выходили на вторую смену.

Она лежала поверх простыни, включив вентилятор на максимум, слушала далекие мотороллеры, обрывки смеха с улицы и думала практичные мысли в темноте.

На сколько мне этого хватит?

Что, если это не новая жизнь, а кризис личности с хорошей погодой?

Что, если все дома правы, а я просто перепутала побег с переменами?

В субботу утром она стояла в продуктовом магазине и смотрела на две упаковки яиц так, будто одна из них содержала моральное испытание.

Те, что выглядели более правильными, стоили заметно дороже.

Пайпер взяла упаковку подешевле.

Поставила обратно.

Взяла снова.

В тридцать три года, подумала она, перерождение выглядело именно так: розовые волосы, съемная комната с табличкой «Лови день у моря» и семь полных секунд, в течение которых ты делаешь вид, что цена на яйца является философской дилеммой, а не вопросом бюджета.

Она пошла дальше.

Яйца.

Йогурт.

Кофе.

Манго.

Паста.

Потом солнцезащитный крем.

Флакон был маленький.

Цена была самоуверенная.

Пайпер смотрела на него слишком долго.

И почему-то именно крем, больше чем яйца, сделал с ее гордостью что-то неприятное.

В городе у океана солнцезащитный крем не был роскошью. Это была базовая взрослая необходимость. Еда, жилье, электричество, не дать лицу сдаться под прямым солнцем.

И все же она стояла в отделе ухода и считала в голове как женщина, которой хватило бы одной задержанной оплаты, чтобы перестать шутить.

На кассе подросток с кольцом в брови пробивал ее покупки.

Пайпер положила крем последним, будто аппарат мог проникнуться порядком вещей и проявить сострадание.

Сумма появилась на экране.

Чуть выше, чем она надеялась.

Чуть ниже, чем боялась.

Оскорбительно и терпимо одновременно.

Пайпер вставила карту.

Секунда.

Вторая.

Ничего.

Она застыла с мертвой улыбкой женщины, которая предпочла бы провалиться сквозь пол, чем услышать отказ по карте в продуктовом магазине при покупке йогурта и солнцезащитного крема.

Одобрено.

«Хорошего дня», сказал кассир.

«И вам», ответила Пайпер таким бодрым тоном, будто только что не увидела тонкий проволочный каркас своей нынешней жизни.

На улице жара ударила в лицо, как открытая дверь.

Пайпер остановилась под белым полуденным светом, с тонким бумажным пакетом в руке. Розовые волосы слегка поднял соленый ветер.

Телефон зазвонил.

Мама.

Пайпер посмотрела на выцветшее синее небо и ответила.

«Привет».

«У тебя там сколько времени?»

«Все еще нормальное время для эмоционального вмешательства».

«Я не вмешиваюсь. Я проверяю, жива ли ты».

«Я уехала пять дней назад».

«За пять дней многое может случиться».

Пайпер коротко рассмеялась.

«Что странно, здесь это правда».

Мама издала небольшой звук. Он мог означать тревогу, неодобрение или оба сразу. У нее эти чувства часто ходили парами.

«Ну что», сказала она. «Ты уже пришла в себя?»

Пайпер поправила пакет в руке. Мимо прожужжал мотороллер. Рядом мужчина выгружал из машины доску для прогулки по воде и посмотрел на нее, потом еще раз, скорее всего на волосы.

Солнце лежало на плечах горячей ладонью.

«Нет», сказала Пайпер. «Но я только что пережила почти духовный опыт в отделе солнцезащитного крема».

«Это не звучит успокаивающе».

«Оно и не должно было».

«Ты хотя бы нашла нормальную работу?»

«Я работаю».

«Присматривать за детьми это не совсем то, ради чего ты уехала».

Пайпер замерла на тротуаре.

Мама сказала это не жестко.

Хуже.

Обеспокоенно.

И фраза попала ровно туда, куда Пайпер сама старалась не смотреть.

Потому что мама была не совсем неправа.

Пайпер оставила работу с должностью, подписью в письмах, стабильной оплатой и совещаниями, после которых все чувствовали себя важными ровно до того момента, как возвращались домой и смотрели в стену.

Теперь она проводила утро, рисуя русалок с детьми, которые называли сыр «эмоциональным», если он плавился не так, как они рассчитывали.

И ей это нравилось настолько, что становилось стыдно.

«Может, как раз ради этого», сказала она.

Мама замолчала.

Пайпер тут же пожалела о резкости.

Потом добавила мягче:

«Это работа. Мне платят. И я не чувствую себя мертвой, пока ее делаю».

Пауза стала длиннее.

Достаточно длинной, чтобы обе услышали, что именно она сказала.

Когда мама ответила, голос у нее стал тише.

«Ты всегда была творческой».

Это не было извинением.

Скорее мама положила одно оружие на стол, не признавая, что вообще держала его в руке.

Пайпер закрыла глаза от яркого света.

«Знаю».

«Только не оставайся там навсегда из упрямства».

Пайпер слабо улыбнулась.

Вот что умели матери: сказать про обратный билет так, чтобы это одновременно звучало как мудрость и обвинение.

«Не останусь».

Но после разговора она еще немного стояла на месте. Пакет резал пальцы, а в голове снова звучала мамина фраза.

Не оставайся там навсегда из упрямства.

Больно было не от слов.

А от того, что мама до сих пор думала, будто упрямство является главной проблемой Пайпер.

Но это было не так.

Настоящей проблемой Пайпер всегда была выносливость.

Она могла слишком долго оставаться почти где угодно, если это позволяло не ставить себя в неловкое положение собственным желанием.

В скучной работе.

В почти-любви.

В жизни, которая не сидела идеально, но сидела достаточно терпимо, чтобы не объяснять окружающим, почему ты хочешь ее снять.

Она приехала сюда не потому, что была смелой.

Она приехала потому, что оставаться стало унизительно.

В следующий четверг Пайпер случайно нашла женскую встречу за кофе.

Она проходила на заднем дворике книжного кафе с облупившимися голубыми ставнями, разномастными стульями и меловой доской у входа:

ЖЕНСКИЙ ЧЕТВЕРГ

Кофе, честность, помада по желанию.

Пайпер остановилась перед входом достаточно надолго, чтобы всерьез рассмотреть вариант развернуться и сделать вид, что никогда не видела эту доску.

За столами сидели двенадцать женщин разного возраста.

Три стола были сдвинуты вместе.

На них стояли чашки, тарелки, салфетки, чужие очки, чьи-то ключи и та особенная атмосфера женской компании, которая уже давно всех оценила, обо всех все поняла и почему-то решила остаться.

Одна женщина подняла голову.

Новые женщины, подумала Пайпер, всегда считываются такими компаниями мгновенно. Инстинкт выживания. Или спорт.

Загорелая женщина в коралловом платье махнула ей рукой.

«Ты либо заблудилась, либо смелая. Садись».

Пайпер рассмеялась и села с краю.

«Я Пайпер».

«Конечно», сказала женщина с белыми волосами и огромными темными очками. «Розовые волосы. Новое лицо. Плечи недавно освобожденной, но еще не расслабленной женщины».

Пайпер уставилась на нее.

Женщина подняла чашку.

«Я была замужем три раза. Со временем начинаешь замечать детали».

За столом рассмеялись.

Знакомство пошло легко и немного хаотично.

Художница по керамике.

Разведенная медсестра, которая умела произносить слово «бывший» так, будто ставила точку в медицинской карте.

Инструктор по йоге, однажды переехавшая ради музыканта, а теперь называвшая тот период исключительно «мои годы декоративного безумия».

Женщина по имени Дана, которая выглядела на сорок с небольшим и объявила, что ей шестьдесят один, с видом человека, бросающего гранату ради развлечения.

В какой-то момент разговор, как будто по невидимому расписанию, свернул к мужчинам.

Пайпер едва успела сделать глоток кофе, когда Дана спросила:

«Ну что, ты уже начала здесь с кем-нибудь встречаться?»

«Пока нет».

По столу прокатился стон.

Театральный, но искренний.

Женщина в огромных очках наклонилась ближе.

«Милая, в таких местах мужчины не причаливают. Они временно швартуются».

Смех стал громче.

Другая женщина размешала кофе и добавила:

«Местные либо заняты, либо прячутся, либо еще не поняли, чего хотят, либо уже поняли и поэтому прячутся еще лучше».

Пайпер чуть не подавилась.

«Полезная информация».

«Не просто полезная», сказала Дана. «Жизненно важная. Приезжие будут смотреть тебе в глаза так, будто три дня у воды это развитие личности».

«Иногда», сказала медсестра, «это даже не три дня. Иногда это просто закат и уверенность в себе».

За столом снова рассмеялись.

Пайпер смеялась вместе с ними, но где-то внизу живота что-то сжалось.

Потому что они шутили так, как женщины шутят, когда тема обошлась им достаточно дорого, чтобы стать материалом.

Когда она уходила, ее уже пригласили на следующий четверг, посоветовали, где покупать авокадо дешевле, три разные женщины предупредили ее насчет свиданий в городе у океана, а женщина в темных очках сказала, что розовый цвет на ней «удивительно проясняет ситуацию».

По дороге домой Пайпер остановилась у воды.

Свет становился золотым, потом персиковым, потом таким розовым, что весь вечер казался слегка отредактированным.

Лодки покачивались у причала.

Пара стояла слишком близко друг к другу для людей, которые просто смотрят на воду.

Где-то за спиной кто-то засмеялся так сильно, что фыркнул.

Пайпер сняла сандалии и села на край низкого каменного парапета у воды.

Вот это красиво смотрелось бы в чужой ленте.

Легкое платье.

Розовые волосы.

Океан.

Намек на новую жизнь.

Мужчина, пробегавший мимо, замедлился ровно настолько, чтобы посмотреть на нее дважды.

Не грубо.

Даже не слишком смело.

Просто тот самый человеческий полусекундный взгляд, который тело замечает быстрее, чем разум успевает сделать вид, что ему все равно.

Розовые волосы.

Голые плечи.

Женщина одна у воды на закате.

Он побежал дальше.

Она тоже, внешне, продолжила сидеть как ни в чем не бывало.

Но внутри что-то все равно дрогнуло.

Не желание.

Не надежда.

Скорее почти неловкое напоминание: она все еще существует в мире как женщина, которую могут заметить.

И прошло больше времени, чем ей хотелось признавать, с тех пор как это знание приходило к ней раньше зеркала.

Океан темнел постепенно.

Воздух стал мягче примерно на один градус, что здесь уже считалось милостью.

Пайпер поджала под себя ногу и посмотрела на горизонт.

Это должно было ощущаться как победа.

Вместо этого было красиво тем особенным образом, каким красивыми становятся вещи, когда рядом нет никого, кому можно сказать: «Посмотри».

Красота не лечила одиночество.

Она просто подсвечивала его с другой стороны.

Телефон завибрировал.

На экране был незнакомый номер.

Здравствуйте, Пайпер. Ребекка дала мне ваш контакт. Сказала, вы прекрасно ладите с детьми. Вы свободны на следующей неделе два дня после обеда? Лора

Пайпер смотрела на сообщение.

И улыбнулась раньше, чем успела себя остановить.

Не потому что это значило что-то огромное.

Потому что это значило что-то маленькое и настоящее.

То, из чего жизнь вообще начинает строиться.

Через секунду пришло второе сообщение.

И еще: мой сын сейчас носит только пиратскую шляпу. Просто чтобы вы были готовы.

Пайпер рассмеялась вслух.

Одна.

У воды.

Как женщина, с которой, возможно, уже все было не совсем в порядке, но зато впервые интересно.

Она набрала ответ:

Здравствуйте, Лора. Да, с удовольствием помогу. И спасибо за предупреждение. Я лучше всего работаю с детьми, которые эмоционально преданы своему образу.

Она отправила сообщение и снова посмотрела на море.

Никто ее не выбрал.

Ни один мужчина не появился.

Никакого великого доказательства, что отъезд был правильным, жизнь не прислала.

И все равно что-то в груди начало очень тихо разжиматься.

Не потому что новая жизнь была идеальной.

А потому что она впервые снова была ее.

Когда Пайпер вернулась домой, комната все еще была слишком теплой, а табличка «Лови день у моря» в вечернем свете раздражала почему-то сильнее.

Она скинула сандалии, открыла крошечный холодильник и обнаружила там один йогурт, половину лайма, бутылку воды и манго, про которое успела забыть.

Пайпер постояла молча.

Потом взяла манго и съела его над раковиной, в домашней майке и шортах, как женщина без свидетелей и без намерения извиняться.

Сок потек по запястью.

Вентилятор гудел над головой.

С улицы кто-то играл на гитаре плохо, но с прекрасной уверенностью в себе.

И Пайпер, липкая, усталая, слегка обгоревшая и совершенно не похожая на красивую картинку о новой жизни, снова начала смеяться.

Потому что все это было не элегантно.

Не отполировано.

Не доказано.

Не особенно впечатляюще.

Но впервые за долгое время у ее жизни снова появилась поверхность, за которую можно было зацепиться.

Потом смех исчез так же быстро, как пришел.

Комната снова стала тихой.

Не было второй чашки у раковины.

Не было голоса из соседней комнаты.

Некому было рассказать про женщин с кофейными предупреждениями, про ребенка, спросившего, грустно ли ей было дома, про унизительно дорогой крем от солнца, про мальчика в пиратской шляпе, который еще не появился в ее жизни, но уже требовал внутренней подготовки.

Только вентилятор.

Только раковина.

Только жизнь, которая, если честно, все еще выглядела так, будто ее можно снова сложить в один чемодан.

Телефон загорелся еще раз.

Мама:

Не забудь крем от солнца. Свобода тоже портит кожу.

Пайпер улыбнулась, хотя не собиралась.

Потом положила телефон экраном вниз и оглядела комнату.

Она не была несчастной.

Вот что было самым странным.

Она просто еще ничем не была удержана.

Может быть, именно так свобода и выглядит в самом начале.

Не покой.

Не радость.

Просто отсутствие старой клетки до того, как новая форма жизни успела стать достаточно прочной, чтобы держать тебя.

Снаружи кто-то рассмеялся.

Мимо проехал мотороллер.

Где-то дальше по улице музыка плыла по теплому темному воздуху, будто весь город уже жил жизнью, внутрь которой Пайпер только что вошла.

Она легла поверх простыни и стала слушать.

Одна, да.

Но она еще не знала, что самое опасное в новой жизни не одиночество.

А то, как быстро человек может начать казаться ответом.

Глава 3. Мужчина, с которым исчезли два часа

Пайпер встретила другого Николая случайно.

Именно поэтому, случись такое в кино, она бы сразу перестала доверять сценарию.

В кино случайные встречи всегда пахнут судьбой.

В жизни они чаще пахнут жарой, плохим расчетом и тем, что кто-то несет не ту сумку не в тот день.

В этот раз Пайпер несла бумажный пакет с пальчиковыми красками, легкой глиной для лепки, синельной проволокой для поделок и возмутительно дорогим клеем с блестками, который купила вопреки здравому смыслу.

В отделе детских товаров он выглядел как маленькое творческое обещание.

Теперь, когда пакет жалобно скрипел в ее руке, клей все больше напоминал ошибку за слишком большие деньги.

Пакет порвался на оживленной улице по дороге домой.

Не эффектно.

Сначала раздался тихий, унизительный хруст бумаги.

Пайпер успела посмотреть вниз.

А потом дно пакета решило закончить отношения с остальным пакетом, и весь ее день высыпался на тротуар.

Бутылочки с краской покатились в три стороны.

Синельная проволока рассыпалась цветными лапками, как маленькие насекомые, у которых началась эвакуация.

Тюбик с блестящим клеем нырнул под скамейку.

Глина для лепки упала на плитку с тяжелым, дорогим звуком.

Женщина в широком козырьке обошла это великолепие с лицом человека, который давно понял: чужие катастрофы лучше не трогать.

Пайпер закрыла глаза на одну секунду.

«Прекрасно», сказала она.

Когда она открыла глаза, мужчина уже присел рядом и поднимал с тротуара желтую краску.

На нем была выцветшая темно-серая футболка, шорты, старые кеды и часы, которые выглядели не дорогими, а полезными. Темные волосы. Загорелые предплечья. Широкие плечи, которые, похоже, не знали, что они широкие.

Он протянул ей бутылочку.

«Кажется, вы уронили радость в трех основных цветах».

Пайпер посмотрела на него.

Потом на тротуар.

Потом снова на него.

«Эта конкретная радость явно пыталась сбежать».

Он улыбнулся.

Не широко.

Не отрепетированно.

Быстро, чуть криво, как будто смешное дошло до него раньше, чем он успел решить, как выглядит со стороны.

Она заметила сначала это.

Потом голос.

Низкий, спокойный, без спешки. Голос человека, который, скорее всего, ни разу в жизни не произносил на совещании «давайте синхронизируемся» и не использовал слово «коллаборация» там, где можно просто сказать «работать вместе».

Он вытащил из-под скамейки тюбик с блестящим клеем и посмотрел на этикетку.

«Безопасно для детей», прочитал он. «Хорошо. Я уже начал переживать, что ваш публичный кризис стал сложнее».

Пайпер засмеялась раньше, чем успела решить, что не собиралась этого делать.

Это раздражало.

Особенно когда так происходило рядом с привлекательным незнакомцем.

«Спасибо», сказала она, приседая за проволокой. «Вот что бывает, когда доверяешь бумажному пакету при такой влажности».

«Это уже ваша ошибка», сказал он серьезно. «Примерно как доверять мужчинам в курортном городе».

Пайпер подняла на него глаза так резко, что он рассмеялся.

«Так», сказала она. «Кто вы и почему начали разговор с полезной информации?»

Он передал ей клей.

«Николай».

Имя ударило раньше, чем лицо успело что-то сделать.

Не больно.

Не романтично.

Просто странно.

Как старая песня, внезапно включившаяся в неправильном магазине.

На полсекунды Пайпер решила, что жизнь решила поиздеваться над ней персонально.

Потом посмотрела на него внимательнее.

Нет.

Не тот Николай.

Этот был моложе. Может, около тридцати. Может, просто из тех людей, чьи лица лучше выглядят на солнце. Спокойные глаза. Тихая мужская собранность без позы. Не отполированный. Не мягкий. Просто присутствующий.

Он слегка наклонил голову.

«Судя по вашему лицу, к моему имени прилагается история».

«Прилагается», сказала Пайпер, поднимаясь с бутылочкой синей краски и остатками собственного достоинства. «Но бесплатно вы ее не получите».

«Справедливо».

Он поднял упаковку с глиной, стряхнул с нее пыль ладонью и случайно размазал по коже серебристые блестки.

Пайпер заметила.

Почти сказала.

Не сказала.

В этом было что-то смешное: ее хаос пометил его меньше чем за минуту.

«Для чего все это?» спросил он.

«Я няня».

Его взгляд опустился на материалы в ее руках, потом вернулся к ее лицу. Будто он что-то быстро переставил в голове.

«С розовыми волосами?»

«Звучит осуждающе».

«Это было восхищение».

Пайпер прищурилась.

«Слишком гладкий ответ».

«Я пил кофе».

Он сказал это так сухо, что она снова рассмеялась.

На этом все должно было закончиться.

Спасибо.

Улыбка.

Каждый возвращается в свой перегретый день.

Но он посмотрел на порванный пакет, оглянулся, потом снял легкую рубашку, завязанную у него на поясе, и раскрыл ее перед ней.

«Кладите сюда».

Пайпер уставилась на рубашку.

«В вашу рубашку?»

«Или будете нести блестки локтями».

Она посмотрела на рубашку.

На него.

Снова на рубашку.

«Странный уровень доверия между людьми, которые только что познакомились на месте общественного падения канцелярии».

«Тем не менее», сказал он, «мы уже здесь».

Он сказал это без флирта.

Без украшения.

Как человек, которому не нужно делать из простого факта маленький спектакль.

И почему-то именно это сработало сильнее самой фразы.

Они распределили краски, глину и проволоку между его рубашкой и ее руками. Николай связал рукава так, что получился мягкий узел, почти сумка. Двигался он быстро, спокойно, без демонстрации собственной полезности.

С красивыми мужчинами Пайпер хотя бы знала, что делать.

С полезными было сложнее.

Их хотелось впустить раньше, чем стоило.

Когда они закончили, они стояли рядом на жаркой улице как два человека, которые случайно выполнили совместную задачу и теперь слишком далеко зашли в социальный сценарий, чтобы разойтись без неловкости.

«Вы сказали, няня», сказал он. «Семья местная или временно здесь?»

«Временно. Приехали на сезон. Очень собранная мама и дети, которые видят слишком много».

Он кивнул, будто это звучало логично.

«А вы?»

Он чуть пожал плечом.

«Ремонтирую лодки».

Пайпер моргнула.

«Это звучит слишком уместно для мужчины у океана».

«Платят лучше, чем за декоративное стояние на фоне воды».

«Жаль. Я уже успела построить очень конкретную фантазию».

«Обо мне?»

«Нет», сказала она. «О морской жизни в целом».

Та же легкая улыбка.

Мимо слишком близко к тротуару пронесся мотороллер. Где-то за их спинами группа туристов спорила о направлении с уверенностью людей, которые ошибались сразу на нескольких уровнях.

Пайпер поправила материалы в руках.

«Ну что ж. Спасибо за спасение».

«Не за что».

Он выглядел так, будто сейчас уйдет.

Потом его взгляд упал на серебристые блестки на руке.

Он заметил их одновременно с ней.

«Это ваше?»

«Все это мое. Эмоционально».

Он потер блестки большим пальцем и сделал только хуже.

«Отлично», сказал он. «Теперь я выгляжу так, будто проиграл опеку над феей».

Пайпер рассмеялась так громко, что прохожий обернулся.

Вот он.

Момент.

Маленький, глупый, конкретный.

Именно такие женщины потом помнят не потому, что они важные, а потому что где-то в них ты перестаешь быть настороженной и начинаешь получать удовольствие.

«За углом есть кафе», сказал Николай. «Вам нужен более надежный способ транспортировки».

Она должна была сказать нет.

Не потому что с ним было что-то не так.

А потому что она совсем недавно приехала в новую жизнь, обгорела в глупых местах и знала этого мужчину меньше, чем готовится нормальная каша.

Вместо этого она сказала:

«Я не влюблюсь в вас только потому, что вы спасли мои блестки».

Он рассмеялся.

По-настоящему.

Опустил голову на секунду, приложил руку к груди. Не как мужчина, который знает, что смеется красиво. Просто как человек, которому правда смешно.

«Хорошо», сказал он. «Это было бы слишком много ответственности для буднего дня».

Пайпер почувствовала это.

Не фейерверк.

Не судьбу.

Просто крошечный внутренний щелчок, когда шутка попадает ровно туда, где ты живешь.

«Это не было согласием на кафе», сказала она.

«Знаю».

Он пошел первым, но медленно.

Так, чтобы у нее был выбор.

Что, конечно, раздражало.

Потому что она выбрала.

Кафе пряталось в боковой улочке за голубым забором и густыми растениями. Именно такие места туристы считали личным открытием, хотя, вероятно, их уже открывали по двести раз в день.

Вентилятор над стойкой лениво гонял горячий воздух, не имея морального обязательства кого-либо охлаждать.

Меловая доска обещала холодный кофе, пирог с лаймом и внутреннее равновесие.

Ничто из этого не выглядело гарантированным.

Пайпер поставила спасенные материалы на свободный стул.

Николай заказал черный кофе.

Она взяла холодный чай, потому что ей нравилась версия себя, которая в южном городе у океана заказывает холодный чай, хотя сам чай почти всегда ее разочаровывал.

Они сели за маленький стол у окна с деревянными планками. Свет падал через них полосами, как будто кто-то нарезал день на части.

Первые три минуты Пайпер ждала обычного мужского поворота.

Блока резюме.

Блока самопрезентации.

Осторожного выяснения, живет ли она одна, что делает по вечерам и насколько недавно ее повредила жизнь.

Ничего этого не произошло.

Вместо этого Николай спросил:

«Как вы вообще здесь оказались?»

Вопрос был неоригинальный.

Но он задал его без той жадной яркости, с которой некоторые мужчины надеются, что ответ сразу сократит расстояние до близости.

Пайпер откинулась на спинку стула.

«Я устала поддерживать жизнь, которая технически работала».

У него дернулся уголок рта.

«Звучит дорого».

«Эмоционально дорого. Финансово жюри еще совещается».

Он кивнул один раз, будто это тоже было понятно.

«Одна переехали?»

«Да».

«Смело».

«Скорее унизительно».

Он посмотрел на нее чуть внимательнее.

«Они иногда живут рядом».

Пайпер наклонила голову.

«Это было раздражающе хорошо».

«Бывает».

«А вы? Родились здесь?»

«Нет. В детстве много переезжал. Потом задержался здесь дольше, чем планировал».

«Так обычно говорят люди, которые прожили где-то семь лет».

Он поднял чашку.

«Пять».

«Все равно тревожно».

«Согласен».

Разговор должен был осесть после этого.

Но он, наоборот, открылся.

Не потому что они начали обмениваться признаниями.

А потому что, как выяснилось, им нравились одни и те же странные темы.

Раздражающие туристы.

Красивые места, испорченные спешкой.

Усталость от работы с людьми, когда твое лицо должно оставаться любезным даже в те минуты, когда душа уже вышла через служебный вход.

Матери, которые используют тревогу как тупой предмет.

Мужчины, выстроившие целую личность вокруг того, чтобы не отвечать на сообщения вовремя, будто эмоциональная недоступность была ремеслом.

Дети, с которыми часто легче, чем со взрослыми, потому что дети хотя бы честно признаются, когда ведут себя эгоистично.

В какой-то момент Пайпер рассказала ему, как Эмма спросила, приехала ли она потому, что ей было грустно дома.

Николай рассмеялся так внезапно, что чуть не поперхнулся кофе.

«Опасный ребенок».

«Ей шесть».

«Вот именно. Никакой самоцензуры. Маленькое следственное управление».

Пайпер улыбнулась.

«Я сказала почти то же самое».

«А это правда?»

От него вопрос прозвучал мягче.

Не детски.

Опаснее.

Пайпер опустила взгляд на свой стакан. Холодная влага стекала по пальцам.

«Не совсем», сказала она. «Я уехала потому, что ничего достаточно драматичного не случилось, чтобы оправдать, насколько мне стало плохо».

Он не поспешил с ответом.

И именно это заставило ее продолжить.

«Когда есть громкий разрыв, у тебя хотя бы есть сцена», сказала она. «Причина. Виноватый. Что-то, что можно объяснить людям, чтобы они перестали смотреть на тебя так, будто ты сама не понимаешь, зачем уходишь».

«А у вас этого не было».

«Нет. У меня было двенадцать лет с человеком, с которым все было нормально».

Николай поставил чашку на стол.

«Нормально иногда очень долго маскируется под хорошо».

Пайпер подняла глаза.

Фраза была не громкой.

И, возможно, именно поэтому попала точнее.

«Да», сказала она тихо. «Именно».

На секунду ей стало неприятно от того, насколько это принесло облегчение.

Иногда хватало одной правды, сказанной правильным голосом, чтобы внутри уже кто-то слишком бодро переставлял мебель.

Николай не выглядел довольным собой оттого, что понял.

Не наклонился ближе.

Не превратил это в интимность.

Просто сидел и оставлял правду там, где она возникла.

И это было еще хуже.

«Люди ведут себя так, будто уход засчитывается только при наличии крови на полу», сказала Пайпер, пытаясь вернуть легкость и не совсем справляясь. «Иначе ты просто сложный человек».

Его взгляд остался на ее лице.

«А вы были сложной?»

Она тихо выдохнула.

«Может быть».

Он немного склонил голову, будто рассматривал мысль с другой стороны.

Потом сказал:

«Или вы просто первой согласились кого-то разочаровать».

Пайпер уставилась на него.

Эта фраза попала еще глубже.

Не потому что была романтичной.

А потому что из-за таких фраз женщина вдруг понимает, как долго тащила себя самым трудным способом.

Она взяла стакан с чаем, в основном чтобы занять руки.

Слишком много легкости для одного дня.

Слишком много понимания от мужчины, которого она знала меньше двух часов.

Инстинкты должны были быть спокойнее.

Вместо этого внутри стало настороженно.

Не мечтательно.

Будто она подошла к чему-то теплому после долгого холодного сезона и только теперь поняла, насколько сильно мерзла.

Она вернулась на безопасную территорию.

«Так», сказала она. «Вы всегда анализируете женщин, которых встречаете во время уличных катастроф с поделками?»

«Нет».

«Хорошо».

«Обычно блесток меньше».

Он снова ее поймал.

Пайпер засмеялась и, не думая, указала на его запястье, где упрямо держалась серебристая точка.

«У вас все еще осталось».

Он посмотрел вниз.

«Ну вот».

«Теперь вы выглядите волшебно и эмоционально недоступно».

«Очень специфическое оскорбление».

«Рынок растет».

Он потер блестку большим пальцем и только передвинул ее ближе к часам.

Пайпер смотрела на это и поймала совершенно нелепую мысль: вот что опасно в некоторых мужчинах. Они заставляют обычные секунды становиться теплее по краям.

В какой-то момент она поняла, что чай закончился, а время перестало быть заметным.

С мужчинами так почти не случалось.

Обычно на свиданиях, около-свиданиях или как теперь называли сидение напротив человека, который оценивает твою пригодность к дальнейшему разочарованию, Пайпер всегда знала, сколько прошло.

Сорок восемь минут.

Час двенадцать.

Достаточно, чтобы быть вежливой.

Недостаточно, чтобы обнадежить кого-то необратимо.

С ним края дня размягчились.

В кафе вошла женщина с пляжной сумкой и слишком громким телефонным разговором. Бариста сменил музыку. За окном свет из резкого стал медовым.

Пайпер посмотрела в сторону улицы.

«О боже».

«Что?»

«Сколько мы здесь сидим?»

Николай посмотрел на часы.

«Почти два часа».

«Это ненормально».

«Нет», сказал он. «Не очень».

Между ними что-то прошло.

Не искра.

Не переход черты.

Просто тонкое понимание, что они оба заметили одно и то же, и никто не торопится назвать это первым.

Пайпер снова посмотрела в окно, покупая себе секунду.

Она не хотела быть женщиной, которая превращает один хороший разговор в духовное событие только потому, что у мужчины плечи и эмоциональная грамотность.

Но тело уже зарегистрировало риск.

Тепло под кожей.

Внимательность.

Низкая, неудобная мягкость где-то в груди.

Не потому что она влюбилась.

Потому что ей стало интересно.

А интерес после долгого плоского сезона онемения мог ощущаться почти как надежда.

Когда она снова посмотрела на него, Николай наблюдал за ней с таким спокойствием, которому она не до конца доверяла.

Не хищным.

Не небрежным.

Просто устойчивым.

«Вы часто разговариваете с незнакомыми женщинами по два часа?» спросила она.

«Только с теми, кто обвиняет меня в проигранной опеке над феей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.